

Способы выражения семантики притворства в татышлинском говоре удмуртского языка

© 2025

Дарья Дмитриевна Мордашова

Институт языкознания РАН, Москва, Россия; Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия; mordashova.d@yandex.ru

Элина Константиновна Кожевникова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия; elinakonst909@outlook.com

Юлия Вячеславовна Синицына

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия; jv.sinitsyna@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена симулятивным конструкциям, т. е. способам выражения значения ‘притворяться, делать вид’, в татышлинском говоре удмуртского языка. Анализируются в основном данные, собранные методом анкетирования, также привлекается корпусный материал и сведения о литературном удмуртском языке из работ предшественников. В татышлинском говоре имеется несколько стратегий выражения симулятивного значения: синтетическая (с помощью суффикса *-mn'äs'k*) и две аналитических (с глаголами *karis'känä* ‘делаться, становиться’ и *lüänä* ‘быть, становиться’). Стратегии сопоставляются по параметрам варьирования, известным из типологической литературы: базовая основа, к которой присоединяется маркер притворства; (не)переходность предиката; (не)одушевленность субъекта. Рассматривается возможность семантических сдвигов исходного значения притворства в зону скалярности: аттенуативное значение конструкций с показателем *-mn'äs'k* и глаголом *karis'känä*, а также близкое к аттенуативному значение попытки как начала освоения навыка и пренебрежительная интерпретация (‘действие выполняется некачественно’) форм с *-mn'äs'k*. Для глагола *lüänä* выявлена возможность симулятивной интерпретации в составе депиктивной конструкции с деепричастием *hisa*, причем такое прочтение возникает в ограниченном наборе употреблений, ориентированных на субъекта (эмоциональное состояние, результирующее состояние, жизненная стадия). В исследовании предлагаются дополнительные морфосинтаксические параметры, которые могут быть релевантны для исследований симулятивов в языках мира: интерпретация сферы действия отрицания, допустимость (не)корреферентных субъектов в полипредикативной конструкции, а также возможность индексального сдвига в зависимой клаузе. В статье обсуждается как общая грамматическая приемлемость трех стратегий, так и идиолектное варьирование в их использовании.

Ключевые слова: семантика, симулятив, удмуртский язык, уральские языки

Благодарности: Исследование поддержано грантом РФФ № 22-18-00285, выполняемом в МГУ имени М. В. Ломоносова.

Для цитирования: Мордашова Д. Д., Кожевникова Э. К., Синицына Ю. В. Способы выражения семантики притворства в татышлинском говоре удмуртского языка. *Вопросы языкознания*, 2025, 2: 123–143.

DOI: 10.31857/0373-658X.2025.2.123-143

Simulative constructions in Tatyshly Udmurt

Daria D. Mordashova

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; mordashova.d@yandex.ru

Elina K. Kozhevnikova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; elinakonst909@outlook.com

Julia V. Sinitsyna

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; jv.sinitsyna@yandex.ru

Abstract: The article deals with simulative constructions meaning ‘pretend to do something’ in Tatyshly Udmurt. We mainly use the data collected during fieldwork as well as the corpus of oral narratives and information on simulative constructions in Standard Udmurt found in previous studies. In Tatyshly Udmurt, there are several strategies to express simulative meaning: a synthetic one (using the suffix *-mn'ās'k*) and two analytic strategies (with the verbs *karis'kânâ* ‘be done, become’ and *liänâ* ‘be, become’). We compare the strategies according to the parameters of variation cited in the typological literature: the base form that attaches the simulative marker; (in)transitivity of the simulative predicate; (in)animacy of the subject. We also consider the semantic shifts of simulative derivations into the domain of scalarity: an attenuative meaning of the constructions with *-mn'ās'k* and *karis'kânâ*, as well as an attemptive meaning close to the attenuative one and a neglective interpretation of the forms with *-mn'ās'k*. As for the construction with the verb *liänâ*, we reveal the possibility of its simulative interpretation in secondary predication with a converb *lisa*. We show that such a meaning appears in a limited number of subject-oriented contexts, in which an emotional state, result state, or life stage is described. We suggest additional morphosyntactic parameters that may be relevant for further language-specific and typological studies of simulative constructions: negation scope, availability of (non)coreferential subjects in biclausal constructions, and indexical shift in the dependent clause. We discuss both the general grammatical acceptability of these strategies and idiolect variation in their use.

Keywords: semantics, simulative, Udmurt, Uralic

Acknowledgements: The research was supported by Russian Science Foundation, project No. 22-18-00285 at Lomonosov Moscow State University.

For citation: Mordashova D. D., Kozhevnikova E. K., Sinitsyna Ju. V. Simulative constructions in Tatyshly Udmurt. *Voprosy Jazykoznanija*, 2025, 2: 123–143.

DOI: 10.31857/0373-658X.2025.2.123-143

1. Введение

Статья посвящена способам выражения значения ‘притворяться, делать вид’ в татышлинском говоре удмуртского языка (периферийно-южный диалект южного наречия удмуртского языка < пермские < уральские). Типология единиц с подобным значением, называемых симулятивными [Jacques 2023], разработана слабо, хотя потенциал для их исследования представляется обширным. Это связано, во-первых, с вариативностью маркеров притворства, которые в языках мира могут быть представлены грамматикализованными показателями, находиться полностью в сфере лексики или формировать особую конструкцию. Во-вторых, маркеры притворства способны развивать дополнительные, в том числе скалярные значения, что расширяет представление об их моделях полисемии и исходной семантике притворства как производной для других лексических значений (ср. лексема со значением притворства в базе данных семантических переходов DatSemShift [Anna

Zalizniak et al. 2002–2024], которые отмечены лишь в качестве целевых, т. е. более поздних значений, развившихся из лексем-источников типа ‘строить’ или ‘приходить’).

Татышлинский удмуртский предоставляет богатый материал для исследования, поскольку располагает как синтетической (с суффиксом *-mn'äs'k*), так и несколькими аналитическими (с глаголами *karis'kânä* ‘делаться, становиться’ и *lüñnä* ‘быть, становиться’) стратегиями выражения притворства. Данные собраны методом анкетирования в ходе полевых исследований в Татышлинском районе республики Башкортостан (дд. Старый Кызыл-Яр, Ивановка, Бигинеево, сс. Нижнебалтачево, Новые Татышлы, Старокальмиярово) в 2022–2024 гг. Анкетирование предполагало перевод предложений-стимулов с русского языка на удмуртский и оценку сконструированных нами стимулов на удмуртском языке. К анализу также привлекался корпус текстов, записанных в экспедициях¹. Элицитированные примеры приводятся в соответствии с принятой в экспедиционном проекте транскрипцией² без указания источника, корпусные примеры снабжены пометой [Корпус]; прочие примеры цитируются с сохранением орфографии источника.

Статья имеет следующую структуру. В разделе 2 мы даем обзор предшествующих исследований конструкций со значением притворства в языках мира, а также исследований предшественников на материале удмуртского языка. В разделе 3 мы описываем данные татышлинского удмуртского, подробно останавливаясь на трех стратегиях выражения притворства. Раздел 4 содержит обсуждение данных с учетом приемлемости разных стратегий и идиолектного варьирования. В разделе 5 подводятся итоги и, с опорой на проведенное исследование, предлагаются дополнительные параметры, релевантные для типологически ориентированного изучения симулятивных конструкций.

2. Предшествующие исследования симулятивных конструкций

2.1. Симулятивы в языках мира

Как указано во введении, конструкции со значением притворства, или **симулятивные** конструкции, до текущего момента редко принимались во внимание в типологических работах.

В сборнике [Treis, Vanhove (eds.) 2017], посвященном симулятивным (*он поет как мой друг*) и эквативным (*он такой же высокий, как мой друг*) конструкциям, симулятивное значение определяется через симулятивное: если **симулятив** выражает реальное сходство, то **симулятив** всегда связан с гипотетическим, ирреальным сходством, ср. англ. *as if, as though* [Treis, Vanhove 2017: 2]. Симулятивное значение в языках, рассматриваемых в [Treis, Vanhove (eds.) 2017], всегда кодируется тем же средством, что и симулятивное, т. е. симулятивное значение в них всегда первично. Далеко не всегда под симулятивной авторы сборника понимают конструкцию, имеющую значение притворства как намеренной деятельности, ср. (1) со значением притворства и (2) со значением ирреального сравнения (подражания процессу голодания не подразумевается). Впрочем, в [Chamorean 2017] отмечена близость когнитивных концептов сходства и притворства, поскольку сходство означает ‘выглядеть как X’, а притворство — ‘стремиться выглядеть как X’.

¹ Корпус доступен по ссылке: <https://udmurt.web-corpora.net/tatyshly/> (дата обращения: сентябрь 2024 г.).

² Мы следуем принципам транслитерации, изложенным в [Baidoullina 2003] и принятым в экспедиционном проекте МГУ имени М. В. Ломоносова по изучению татышлинского говора удмуртского языка (<https://tatyshly-udmurt.tilda.ws>).

- (1) КАМБААТА (< КУШИТСКИЕ)
 {*duuball-i-g-a* *ikk* *hinc* *y-ée-se*.
 богатый-mGEN=SIMUL-масс/OBL становится.3mpfv.CVB подходить говорить-3mpfv-3fo
 ‘(Когда он хотел поухаживать за девушкой,) он подходил к ней, {притворяясь богачом (букв. «становясь как богатый человек»)}’. [Treis 2017: 101]
- (2) ЗААР (< ЧАДСКИЕ)
vi: da à: mán mba: bas=tə dan
 рот тогда 3SG.ICPL приходить быть_белым POSS=3SG.OBJ как
kutu mur ká ázùmi dó:lé: káwéy.
 словно человек POSS поститься серьезно просто
 ‘...его рот высох, как будто он всерьез голодал’. [Caron 2017: 183]

Морфосинтаксические особенности симулятивных конструкций, а точнее «предикатов притворства» (*pretence predicates*), кратко обсуждаются в работах по типологии комплементации, ср. обзор [Noonan 2007], где в группу таких предикатов попадают англ. *pretend* ‘притвориться’, *make believe* ‘сделать вид, притвориться’, *imagine* ‘вообразить’ и др. Несмотря на то, что вложенная пропозиция таких предикатов обычно считается ложной, а мир, вводимый этой пропозицией, не является реальным, синтаксическое оформление таких зависимых клауз часто совпадает с оформлением «реальных» зависимых (например, с помощью индикативной, а не конъюнктивной зависимой клаузы, ср. русск. *Машиа притворилась, что/*чтобы мама уехала*).

Сопоставительное исследование предикатов притворства и моделей кодирования их аргументов в 13 нахско-дагестанских и 3 тюркских языках Дагестана проведено в [Майсак 2021]. Материалом послужил перевод одного библейского контекста — второй части стиха 28 главы 24 из Евангелия от Луки (Лк. 24:28), в современном переводе, выполненном Российским библейским обществом (издан в 2011 г.), переданной как *Иисус сделал вид, что хочет идти дальше* (ср. Синодальный перевод: *...и Он показывал им вид, что хочет идти далее*). Рассматриваемые языки сравниваются с точки зрения общей структуры предложения (порядок главной и зависимой клауз), способа выражения предиката главной клаузы и оформления зависимой клаузы.

Наиболее широкая выборка языков и конструкций со значением притворства представлена в [Jacques 2023], где обсуждаются способы образования симулятивов на материале 47 языков различных семей (уральские языки не рассматриваются). Симулятивные конструкции, по Г. Жаку, выражают значение ‘притворяться, что X’, где X может быть действием, состоянием или сущностью, ср.:

- (3) аляскинский юпик (< ЭСКИМОССКИЕ)
qavar-uar-tuq.
 спать-SIMUL-IND:3SG
 ‘Он(а) делает вид, что спит’. [Jacques 2023: 959]

В указанной работе выделяется несколько параметров варьирования симулятивных конструкций. Часть параметров касается морфологических свойств конструкций: 1) базовая основа, к которой присоединяется симулятивный маркер (глагольная или именная); 2) переходность исходной основы (в некоторых языках имеются ограничения на сочетаемость симулятивных маркеров с переходными глаголами); 3) одушевленность субъекта (к примеру, в языке оджибве и других центрально- и восточно-алгонкинских языках симулятивный маркер сочетается исключительно с непереходными глаголами, требующими одушевленного субъекта).

С точки зрения семантики симулятивные конструкции в языках мира способны развивать различные периферийные значения. Одно из частотных значений — **СИМУЛЯТИВНОЕ** (*similative*) ‘быть похожим на X’, ‘вести себя как X’. Развитие этого значения наряду с симулятивным, как отмечалось выше, естественно, поскольку притворство предполагает

намеренное поведение, похожее на X. Направление развития при этом может быть разным: так, в языке науатль (< юто-ацтекские) первичным значением для симулятивного показателя *nehnequi*, согласно [Jacques 2023: 964], является именно притворство ('pretend'), а не сходство ('resemble').

Другие возможные значения — **эргативное** (ergative) 'делать X неправильно' и **пренебрежительное** (neglective) 'делать X некачественно'. Развитие этих значений связано с тем, что притворство предполагает, что действие фактически не выполняется или выполняется не так, как нужно на самом деле. Эргативное значение проиллюстрировано в (4), где ложь концептуализируется как «неправильная речь»; пренебрежительное значение отмечено, например, в языке не-персе (5) (гlossы в статье не приводятся).

- (4) ЭСЕ ЭДЖА (< ТАКАНА)
Mimi-nisho-naje.
 говорить-SIMUL-PST
 'Он солгал'. [Jacques 2023: 965]
- (5) НЕ-ПЕРСЕ (< САХАПТИЙСКИЕ)
hitama-táy-ca.
 'Я читаю вяло, вполсилы'. [Ibid.]

Симулятивные конструкции, согласно Г. Жаку, также могут передавать значение **дезидератива** (desiderative) 'хотеть'. Автор усматривает наличие воликативного субъекта в качестве связующего звена между значениями желания и притворства (притворство — своего рода частный случай желания сойти за того, кем субъект на самом деле не является). «Чистых» примеров на совмещение этих значений (т. е. таких, где бы симулятивный маркер развивал дезидеративное значение самостоятельно, без вспомогательных элементов, составляющих дезидеративную конструкцию) в статье, однако, не приводится.

2.2. Предшествующие исследования симулятивов в удмуртском языке

Удмуртские конструкции со значением притворства подробно рассматриваются в [Алатырев 1959], где перечисляется несколько возможных стратегий выражения этого значения: 1) суффикс *мйаськ* (-*мьяськ* в литературной орфографии, отрицательная форма имеет вид -*мтэйаськ*) (6), подробнее о втором значении см. ниже; 2) причастие прошедшего времени на -*м*³ + глагол *луыны* 'быть, стать' (7); 3) причастие на -*м* + глагол *карыны* 'делать' или *карыськыны* 'делаться, становиться' (образован от глагола *карыны* 'делать' с помощью детранзитивного суффикса -*иськ*, который выражает широкий круг медиопассивных значений) (8); 4) причастие на -*м* + *амал* 'метод, способ' (9); 5) причастие на -*м* + *улэ/улысын* 'под' (10).

- (6) *Мон туннэ пу кора-мйаськ-и-О.*
 я сегодня дерево рубить-FACT-PST-1SG
 1. 'Я сегодня делал вид, что рубил дрова'.
 2. 'Я сегодня дрова рубил' {скромно о своей рубке, по силе своей возможности рубил}. [Алатырев 1959: 85]

³ Показатель данного причастия в литературном и татышлинском удмуртском имеет два алломорфа: -*ем* (-*ет*) у глаголов I спряжения и -*м* (-*т*) у глаголов II спряжения (татышлинские алломорфы приведены с использованием транслитерации). В дальнейшем мы будем обозначать данную форму как причастие на -*м* (-*т*) для краткости.

- (7) *Мон пыласьк-ем лу-исько-Ø.*
я купаться-PTCP.PST становиться-PRS-1SG
‘Я делаю вид, что купаюсь’. [Алатырев 1959: 78]
- (8) *трос-эз утча-м гинэ кар-о.*
много-POSS.3SG искать-PTCP.PST только делать-PRS.3PL
‘...многие только делают вид, что ищут’. [Петров 1954: 149], цит. по [Алатырев 1959: 80]
- (9) *Эичы из-ем амал кылл-е*
лиса спать-PTCP.PST способ лежать-PRS.3SG
‘Лиса лежит, притворяясь спящей’. [Удмурт калык сказкаос: 5], цит. по [Алатырев 1959: 80]
- (10) *Эичы кылы-м-тэ улсын кылл-е.*
лиса слышать-PTCP.PST-NEG низ.LOC лежать-PRS.3SG
‘Лиса лежит, делая вид, что не слышит’. [Удмурт калык сказкаос: 5], цит. по [Алатырев 1959: 80]

Вслед за [Алатырев 1959], в [ГСУЯ 1962] выделяется отдельная «категория притворности (фиктивности, видимости, мнимости) действия», ср. также ярлык «фиктивность» в [Winkler 2001: 56] и «модальность фиктивного действия» в [Аухадиева, Булычева 2022]. К этой категории относят глаголы с суффиксом *-мьяськ*, которые могут обозначать как притворство в прямом смысле, т. е. ‘делать вид, что’, так и «скромность, действие неполной, малой сферы» [ГСУЯ 1962: 232], ср. второй перевод в (6). Согласно [ГСУЯ 1962: 234], по своей внутренней форме *-мьяськ* представляет собой сочетание нескольких аффиксов: *-м* (суффикс причастия прошедшего времени), *-йа* (*-ья* в литературной орфографии; суффикс «соответственного» падежа, ср. *Кузьмичья* ‘по Кузьмичу, согласно Кузьмичу’) и *-ськ* («возвратный» суффикс). Дальнейших комментариев относительно семантической мотивации грамматикализации этих суффиксов в показатель притворства в литературе не дается.

В [ГСУЯ 1970: 131–134] описана конструкция со сравнительным маркером *кадь* и глаголами *кариськыны* ‘делаться’, *луыны* ‘быть’, где в зависимой части финитный глагол стоит в форме 1 лица независимо от лица кореферентного субъекта в главной части и согласуется с этим субъектом только по числу (11)–(12). Далее конструкции в (11) мы будем называть конструкциями с индексикальным сдвигом (*indexical shift*), подробнее об этом явлении см. [Deal 2020].

- (11) *Тон из-исько-Ø кадь кар-иськ-и-д.*
ты спать-PRS-1SG как делать-DETR-PST-2SG
‘Ты делал вид, что спишь’. [ГСУЯ 1970: 132]
- (12) *Со-ос из-исько-мы кадь кар-иськ-и-зы.*
тот-PL спать-PRS-1PL как делать-DETR-PST-3PL
‘Они сделали вид, что спят’. [Там же]

В [Кельмаков 1973: 135] отмечается возникновение симулятивной семантики у конструкции с деепричастием быгтийного глагола *луыны* (13). Утверждается, что если глагол *луыны* в сочетании со своими зависимыми выражает семантику притворства, то и конструкция с деепричастием *луыса* с данными зависимыми обозначает притворное действие. Однако в статье не приводится примеров, на основе которых можно было бы сделать обобщение о характеристиках зависимых, с которыми глагол *луыны* (и, следовательно, конструкция с деепричастием *луыса*) приобретает симулятивную семантику. В статье мы постараемся выделить семантические и/или грамматические особенности зависимых, влияющие на возникновение симулятивной семантики в деепричастной конструкции с *луыса*.

- (13) *Женя стакан-эз басьт-й-з но керпот-эм лубы-са*
 Женя стакан-ACC взять-PST-3SG ADD стесняться-PTCP.PST становится-CVB
палэнск-и-з.
 отстраниться-PST-3SG

‘Женя взяла стакан и с ложной стыдливостью (букв. «притворившись, что стесняется») отошла в сторону’. [Гаврилов 1982: 67], цит. по [Кельмаков 1973: 135]

В грамматическом описании татышлинского говора [Baidoullina 2003: 99–100] симулятивные конструкции объединены под ярлыком «притворной модальности». К ним отнесены формы с суффиксом *-mn'äs'k* (соответствует литературному *-мьяськ*)⁴ и конструкции с послелогом *ule* ‘под’ или причастием на *-m* в дативе и вспомогательным глаголом *aŋaltis'kânâ* ‘притворяться’, ср. *iz'em-lâ aŋaltis'kâ-sa* (спать-PTCP.PST-DAT притворяться-CVB) ‘притворившись спящим’⁵. Автор ограничивается перечислением конструкций, не упоминая их морфосинтаксические и семантические особенности.

Категории «фиктивного действия» посвящена статья [Аухадиева, Булычева 2022], в которой авторы сопоставляют данные удмуртского языка с немецким материалом. Помимо упоминания конструкций, зафиксированных в описаниях предшественников, говорится о возможности симулятивной интерпретации у союза *выллем* ‘подобно’ (в татышлинском говоре данный союз не зафиксирован).

В [ГСУЯ 1962: 238] отмечается, что распределение синтетической и аналитической конструкций со значением притворства подвержено диалектному варьированию. В частности, «[с]интетический способ характерен для южных и отчасти для срединных говоров удмуртского языка, аналитический способ — для северных районов», а также «[и]меются говоры, в которых оба способа сосуществуют на равных правах».

Согласно полевым данным, картина в татышлинском говоре, относящемся к южному наречию, не так однозначна, как утверждается в грамматике. Кроме того, в перечисленных работах существуют стратегии, как правило, рассматриваются по отдельности и вне типологического контекста, в силу чего описания нередко содержат лакуны. Между тем для говоров, в которых сосуществует несколько стратегий (как в татышлинском говоре), важно провести сопоставительный анализ семантических и морфосинтаксических свойств конструкций с учетом типологических параметров варьирования.

3. Стратегии выражения притворства в татышлинском удмуртском

3.1. Инвентарь конструкций

Как показало наше исследование, инвентарь симулятивных конструкций в татышлинском удмуртском более обширен по сравнению с описанным в [Baidoullina 2003]. Мы зафиксировали несколько стратегий кодирования значения притворства: упоминаемую А. Байдуллиной синтетическую стратегию с суффиксом *-mn'äs'k*⁶ (14) и несколько

⁴ Сочетание *mn'* в инициали суффикса представляет характерный для татышлинского говора результат ассимиляции *j* после *m*, ср. аналогичные фонетические изменения в других случаях: форма множественного числа слова *pil'em* ‘облако’ образуется с помощью показателя *-jos* и приобретает вид *pil'em-n'os* (облако-PL) ‘облака’.

⁵ Стратегия с глаголом *аналтйськыны* (*аналскыны*) ‘отстраниться, притвориться, симулировать’ также упоминается в [Алатырев 1959] для литературного удмуртского.

⁶ Суффикс представлен двумя алломорфами: *-emn'äs'k* у глаголов I спряжения и *-mn'äs'k* у глаголов II спряжения (в некоторых идиолектах встречаются также фонетические варианты *-emjäs'k* и *-mjäs'k*). Для удобства мы указываем по тексту более краткий вариант.

частотных аналитических, которые обсуждаются в работах на материале литературного удмуртского — с помощью глаголов *karis'kânâ* ‘делаться’ (аналогичного литературному детранзитивного деривата от глагола *karânâ* ‘делать’, о значениях суффикса *-is'k* в татышлинском говоре см. [Мельник 2021]) и *lüñnâ* ‘быть, становиться’ (стратегия с глаголом *añaltis'kânâ* ‘притворяться’ также зафиксирована, но остается за рамками обсуждения как сугубо лексический способ выражения притворства).

- (14) *mon uža-mn'äs'k-is'ko-Ø.*
я работать-ПСТ-PRS-1SG
‘Я делаю вид, что работаю’.

Глагол *karis'kânâ* может формировать конструкцию с семантикой притворства при наличии зависимого причастия на *-m* с факультативным эквативным маркером *kad'* ‘как’ (15) или финитной клаузы, вводимой маркером *kad'* (16). Стратегия с индексикальным сдвигом (16a) оценивается как приемлемая практически всеми опрошенными носителями⁷, а суждения о стратегии, где финитный глагол в зависимой части согласуется с субъектом по лицу (16b), разделились между носителями примерно поровну.

- (15) *n'ulesk-ân gondâr-ez a'ž'â-sa, kol'a kul-em (kad')*
лес-ИН медведь-ACC видеть-СВВ Коля умирать-ПТСР.ПСТ как
kar-is'k-i-z.
делать-DETR-PST-3SG
‘Увидев в лесу медведя, Коля притворился мертвым’.

- (16) a. *pet'a uža-s'ko-Ø kad' kar-is'k-e.*
Петя работать-PRS-1SG как делать-DETR-PRS.3SG
b. *?pet'a uža-Ø kad' kar-is'k-e.*
Петя работать-PRS.3SG как делать-DETR-PRS.3SG
‘Петя сделал вид, что работал’.

Не все из опрошенных носителей татышлинского удмуртского допускают глагол *karânâ* ‘делать’ в симулятивной конструкции (17). Более приемлема стратегия с нефинитным зависимым (17a), причем маркер *kad'* можно опустить. Стратегия с финитным зависимым (17b) имеется примерно у половины опрошенных носителей, при этом более предпочтительна стратегия с индексикальным сдвигом, чем с полным согласованием зависимого предиката с субъектом в главной части. Далее мы сосредоточимся на конструкции с глаголом *karis'kânâ*.

- (17) a. *pet'a uža-m (kad') kar-e.*
Петя работать-ПТСР.ПСТ как делать-PRS.3SG
b. *pet'a ?uža-s'ko-Ø / ??uža-Ø kad' kar-e.*
Петя работать-PRS-1SG работать-PRS.3SG как делать-PRS.3SG
‘Петя делает вид, что работает’.

Глагол *lüñnâ* в некоторых контекстах может развивать значение притворства в составе деепричастной конструкции (18) (ср. также (19), где значения притворства не возникает).

- (18) *rustam ol'a-jez škol'n'ik lü-sa pumita-Ø-z.*
Рустам Оля-ACC школьник становиться-СВВ встретить-ПСТ-3SG
‘Рустам притворился школьником и встретил Олю’.
*‘Рустам встретил Олю школьником’.

⁷ Некоторые носители, впрочем, отметили, что сами не используют подобную конструкцию в речи.

- (19) *anaj škola-jez otl'ič'n'ik lü-sa bâdt-i-z.*
 мать школа-ACC отличник становится-CVB закончить-PST-3SG
 'Мама школу отличницей закончила'.

Вне конструкции с *lüsa*, в сочетании с причастием на *-m* (ср. (7) для литературного удмуртского), конструкция с финитной формой *lüñnâ* не во всех идиолектах допускается в симулятивной интерпретации (20) и может приобретать значение, близкое к привычному. Спектр употреблений и приемлемость этой конструкции нуждаются в более детальном изучении, поэтому она исключается из дальнейшего обсуждения.

- (20) *ʔmon kn'iga-me lãʔʒ'-em lü-is'ko-Ø.*
 я книга-ACC.POSS.1SG читать-PTCP.PST становится-PRS-1SG
 'Я делаю вид, что читаю свою книгу'.

Кроме того, в говоре по крайней мере для части опрошенных носителей возможны конструкции типа (9)–(10), отмеченные и в литературном удмуртском: с элементами *ule* 'под' (21) и *ämäl* 'способ' (22), однако подробно их свойства не изучались.

- (21) *mon maša-jez todma-m-te ul-e kar-is'k-i-Ø.*
 я Маша-ACC узнавать-PTCP.PST-NEG низ-ILL делать-DETR-PST-1SG
 'Я сделал вид, что не узнал Машу'.

- (22) *ʔkol'a iz'-em ämäl lü-e.*
 Коля спать-PTCP.PST способ становится-PRS.3SG
 'Коля притворяется спящим'.

В следующих подразделах мы представим три основных стратегии выражения притворства (конструкции с суффиксом *-mn'äs'k*, глаголами *lüñnâ* и *karis'kânâ*), описав их семантику и морфосинтаксические свойства с учетом параметров, рассмотренных в подразделе 2.1, и некоторых других, также оказавшихся релевантными⁸.

3.2. Конструкция с суффиксом *-mn'äs'k*

Показатель *-mn'äs'k* зафиксирован не во всех идиолектах: из 16 опрошенных его уверенными носителями являются 12. Это несколько ослабляет утверждение [ГСУЯ 1962: 238] о том, что для южных удмуртских говоров характерна синтетическая стратегия выражения притворства. Далее в этом разделе рассматриваются суждения только тех носителей, для которых суффикс возможен.

Охарактеризуем свойства показателя *-mn'äs'k* с опорой на морфологические параметры, предложенные в [Jacques 2023]. Этот показатель присоединяется к глагольным основам, как непереходным (23), так и переходным (24).

- (23) *mon vis'-emn'äs'k-is'ko-Ø.*
 я болеть-FICT-PRS-1SG
 'Я притворяюсь больным'.

⁸ Как справедливо указал анонимный рецензент, семантическая зона притворства неоднородна сама по себе (в частности, предикаты притворства в языке могут различаться валентностью, притворство может иметь разные цели и т. д.). В настоящей работе мы, однако, не ставим задачу обозреть лексические способы выражения притворства, которые было бы необходимо включить в исследование семантики таких предикатов, и ограничиваемся более грамматикализованными стратегиями.

- (24) *mon kn'iga lă'ž'-emn'äs'k-i's'ko-Ø.*
я книга читать-FICT-PRS-1SG
'Я делаю вид, что читаю книгу'.

Из ограничений на сочетаемость следует отметить глагольные основы, предполагающие наличие неодушевленного субъекта, типа *s'is'mānā* 'гнить', *kes'as'kānā* 'порваться' (см. (25)), об ожидаемой интерпретации для примеров такого типа см. ниже), а также глаголы, при которых употребляется одушевленный субъект, по-видимому, не способный полностью контролировать ситуацию, типа *vosm'ānā* 'худеть' (26) или *kujānā* 'толстеть'.

- (25) *gruša s'is'm-em / *s'is'm-emn'äs'k-i-z.*
груша гнить-PST2 гнить-FICT-PST-3SG
Ожидаемое значение: 'Груша немного подгнила'.

- (26) **kol'a vos'm-emn'äs'k-i-z.*
Коля худеть-FICT-PST-3SG
Ожидаемое значение: 'Коля притворился, что похудел' {а на самом деле просто надел обтягивающую одежду} / 'Коля немного похудел'.

Аналогичные ограничения указаны в [ГСУЯ 1962: 233] для литературного удмуртского: глаголы, не сочетающиеся с данным суффиксом, обозначают «физические, химические процессы, происходящие в отдельных предметах», которые вызываются явлениями, «не зависящими от субъективной воли индивида».

Единственным исключением из этого правила являются глаголы с неодушевленным субъектом, обозначающие погодные явления (27)–(28), хотя такие контексты принимаются не всеми носителями. Согласно [Алатырев 1959: 87–88; ГСУЯ 1962: 233], в литературном удмуртском такие контексты допустимы.

- (27) *ʔkūaz' zor-emn'äs'k-i-z.*
погода дождить-FICT-PST-3SG
'Прошел небольшой дождь'.

- (28) *ʔkūaz' lām-ja-mn'äs'k-i-z.*
погода снег-VBLZ-FICT-PST-3SG
'Чуть-чуть снега выпало'.

Среди глаголов, имеющих одушевленный субъект и предполагающих возможность осознанного подражания действию (как агентивных, например, 'работать', 'читать', так и пациентивных, например, 'спать', 'болеть', 'умирать'), выделяется глагол 'спать', который принимает суффикс *-mn'äs'k* не во всех идиолектах: для него предпочтительна конструкция с лексическим глаголом *ajaltis'kānā* 'притворяться', который управляет причастием на *-m* в дативе (29).

- (29) *mon iz'-em-lā ajaltis'k-i-Ø.*
я спать-PTCP-PST-DAT притворяться-PST-1SG
'Я притворилась спящей'.

В дополнение к параметрам, выделенным Г. Жаком, мы проверили сочетаемость формы на *-mn'äs'k* с отрицанием. В татышлинском говоре допускается отрицание с широкой сферой действия ('не притворяться, что X') с помощью отрицательного глагола (30); ср. пример для литературного удмуртского из [Алатырев 1959: 91]: *мон уг из-емъяськ-исъкы* (NEG. PRS/FUT.1SG спать-FICT-PRS) 'я не притворяюсь спящим'.

- (30) *mon oĵ vis'-emn'äs'kă.*
я NEG.PST.1SG болеть-FICT
'Я не притворялась, что болела' (на самом деле болела).

Отрицание с узкой сферой действия ('притвориться, что не X') реализуется с помощью отрицательного коррелята суффикса *-mtejas 'k*, однако данная форма грамматична не во всех идиолектах (31). Для литературного удмуртского соответствующие примеры приводятся в [Алатырев 1959: 94]: *со адзы-мтэясък-е* (видеть-FACT.NEG-PRS.3SG) 'он делает вид, что не видит'; *со ара-мтэясък-е* (жать-FACT.NEG-PRS.3SG) 'он делает вид, что не жнет'.

- (31) *ʔmon vis ʔ-mtejas 'k-i-Ø, no pumis 'k-on-e mən-i-Ø.*
я болеть-FACT.NEG-PST-1SG ADD встречаться-VN-ILL идти-PST-1SG
'Я сделала вид, что не болею, и пришла на встречу'.

Заметим, что в (30)–(31) используются разные стратегии отрицания (отрицательный глагол и отрицательный коррелят суффикса *-mn ʔs 'k*), полученные в качестве перевода русских стимулов на удмуртский язык. Допустимость интерпретаций с противоположной сферой действия при каждой из стратегий остается предметом для дальнейших исследований.

Что касается семантики, то, помимо ожидаемого значения притворства, мы зафиксировали у формы на *-mn ʔs 'k* скалярные интерпретации, т. е. связанные с модификацией степени проявления какого-либо из параметров ситуации. Одной из возможных скалярных интерпретаций является **аттенуативная** 'немного' (32), взаимодействующая со шкалой полноты / неполноты **реализации** некоторого действия. С таким значением, помимо агентивных глаголов, ограничено совмещаются глаголы с неодушевленным «метеорологическим» субъектом, см. (27) выше, однако прочие контексты с неодушевленным субъектом неграмматичны, см. (25)–(26) выше.

- (32) *mon tolon lāmbāt uža-mn ʔs 'k-i-Ø.*
я вчера целый_день работать-FACT-PST-1SG
'Я вчера весь день только по мелочи работала'.

Отменить аттенуативную интерпретацию контекстом, добавив наречие 'сильно, усердно', невозможно: примеры типа (33) воспринимаются как логически противоречивые.

- (33) *#mon tolon lāmbāt tuž katā uža-mn ʔs 'k-i-Ø.*
я вчера целый_день очень сильный работать-FACT-PST-1SG
Букв. 'Я вчера весь день усердно понемногу работала'.
* 'Я вчера делала вид, что усердно работала'.
?? 'Я вчера усердно делала вид, что работала'⁹.

Еще одна допустимая интерпретация — **пренебрежительная** 'плохо и/или нехотя' (neglective по [Jacques 2023]) — вводит оценочную шкалу и содержит указание на то, что действие выполняется некачественно:

- (34) *mon uč ʔr vera-mn ʔs 'k-is 'ko-Ø.*
я случай говорить-FACT-PRS-1SG
'Я сбивчиво рассказываю историю'. (Комм. носителей: «Все время перебиваюсь, плохо получается».)

Как и в случае с аттенуативным прочтением, отменить выражение «некачественности» в таких примерах невозможно: добавление наречия *ājbat* 'хорошо' вызывает противоречие.

- (35) *mon kārž 'a-n (*ājbat) kārž 'a-mn ʔs 'k-is 'ko-Ø.*
я петь-VN хороший петь-FACT-PRS-1SG
'Я плохо пою песню'. (Комм. носителей: «Ни слуха ни голоса нет; петь не умею, но все равно пою».)

⁹ Интерпретация со сферой действия адвербиала 'усердно', которая распространяется на внешнее событие ('я вчера усердно делала вид, что работала'), допускается в отдельных идиолектах.

Наконец, форма с показателем *-mn'äs'k* может развивать значение **попытки**: как правило, речь идет о начале освоения некоторого навыка (36), не всегда удачном (37), или о намеренном умалении своих способностей, см. второй возможный перевод в (38).

(36) *pič'i nâłpi ve'l-emn'äs'k-e in'i.*
 маленький ребенок ходить-FACT-PRS-3SG уже
 'Маленький ребенок уже пытается ходить'.

(37) *pet'a ufa-jân ul-emn'as'k-i-z.*
 Петя Уфа-LOC жить-FACT-PST-3SG
 'Петя попробовал пожить в Уфе' (но у него не получилось, не прижился).

(38) *mon kâłbur gožt-emn'äs'k-is'ko-Ø.*
 я стих писать-FACT-PRS-1SG
 1. 'Я пробую писать стихи'. (Пока с рифмой не очень, но я стараюсь.)
 2. 'Я немного пишу стихи'. (Так, для себя и друзей, пописываю.)

Данное значение можно связать с аттенуативным, поскольку начало освоения навыка предполагает, что действие осуществляется не в полной мере, ср. (36). При этом аттенуативная семантика в случае формы на *-mn'äs'k* связана именно с внутренней структурой ситуации (неполнота осуществления действия), а не с ее небольшой продолжительностью: ср. (39), где допускается обстоятельство *lâmbâten* 'целыми днями'.

(39) *mon lâmbât-en kâłbur gožt-emn'äs'k-is'ko-Ø.*
 я целый_день-INS стих писать-FACT-PRS-1SG
 'Я целыми днями пробую писать стихи'.

Примеры с аттенуативной семантикой представляются наиболее близкими к тому, что в грамматике обозначено как «скромность, действие неполной, малой сферы» [ГСУЯ 1962: 232], ср. (40):

(40) *Mon tunnâ sezby turna-mjäs'k-i-Ø.*
 я сегодня овес косить-FACT-PST-1SG
 'Я сегодня немного (скромно) косил овес'. [ГСУЯ 1962: 232]

Других потенциальных вариантов смещения значения притворства, которые отмечались в [Jacques 2023], в татышлинском удмуртском не зафиксировано. Однако отмеченные нами значения аттенуатива и близкого к нему значения попытки, представляющиеся закономерными семантическими сдвигами исходного значения притворства, дополняют имеющееся типологическое описание семантики симулятивных конструкций, а также предшествующие описания удмуртского языка.

3.3. Конструкция с глаголом *lüñnâ*

В литературном удмуртском конструкция с деепричастием *луыса* (татышл. *lü(ä)sa*), образованным от глагола *луыны* 'быть, становиться' (татышл. *lüñnâ*), выражает значение профессии или функции и рассматривается как один из аналогов депиктивной конструкции [Edugarova 2017]. Данная конструкция употребляется также в татышлинском говоре, однако не ограничена контекстами, выражающими значение функции или профессии (41). Конструкция с деепричастием *lüsa* может относиться только к субъекту (42).

(41) *ol'eg stol'ica-is' kopak muket äd'ämi lü-sa bert-i-z.*
 Олег столица-EL совсем другой человек становиться-CVV вернуться-PST-3SG
 'Олег вернулся из столицы совсем другим человеком'.

- (42) **rustam č'aj pòs' lù-sa ž'ù-e.*
 Рустам чай горячий становится-CVВ пить-PRS.3SG
 Ожидаемое значение: 'Рустам пьет чай горячим'.

В некоторых контекстах у конструкции возникает семантика притворства, блокирующая депиктивную интерпретацию (43). Как было сказано ранее, данное значение было отмечено в [Кельмаков 1973: 135], однако контекстуальная дистрибуция не была рассмотрена подробно. Далее мы разграничим депиктивные и симулятивные контексты употребления данной конструкции, опираясь на семантическую карту значений, ориентированных на участника [Himmelmann, Schultze-Berndt (eds.) 2005].

- (43) *ol'a d'ivan-ân vis'-em lù-sa kâl'l'-e.*
 Оля диван-LOC болеть-PTCP.PST становится-CVВ лежать-PRS.3SG
 'Оля притворяется больной и лежит на диване'.
 *'Оля больная лежит на диване'.

В конструкции с деепричастием *lusa* факультативно может быть употреблен симулятивный маркер *ämäl* 'способ, метод' (44). Его употребление допускается всеми носителями, и для некоторых вариантов с *ämäl* предпочтителен.

- (44) *mi ol'a-jez kü'ž'-em (ämäl) lù-sa pumita-Ø-mâ.*
 мы Оля-ACC пьянеть-PTCP.PST способ становится-CVВ встретить-PSF-1PL
 'Притворившись пьяными, мы встретили Олю'.

В дальнейшем мы не будем рассматривать распределение двух вариантов конструкции, а сосредоточимся на конструкции без дополнительного маркера притворства. Такое решение принимается нами потому, что наличие симулятивного маркера снимает неоднозначность конструкции и полностью блокирует депиктивное прочтение. Мы рассмотрим употребление деепричастной конструкции в контекстах, выражающих значение эмоционального состояния, результирующего состояния, значение жизненной стадии и функции. Прочие значения, представленные на карте [Himmelmann, Schultze-Berndt (eds.) 2005], такие как физическое состояние, значение комитатива, экватива, не будут рассматриваться, поскольку выражаются в татышлинском удмуртском другими способами¹⁰.

В контексте эмоционального состояния возникновение семантики притворства зависит от прагматической естественности. Так, в примере (45) из-за прагматики глагола притворное значение скорее невозможно (поскольку сам по себе глагол описывает ситуацию сильного горя, скорби и не воспринимается в иной интерпретации).

- (45) *rustam d'iskot'eka-is' kajgôr-is' lù-sa košk-i-z.*
 Рустам дискотека-EL грустить-PTCP.ACT становится-CVВ уйти-PSF-3SG
 ?'Рустам грустным ушел с дискотеки'.
 ??'Рустам, притворившись грустным, ушел с дискотеки'.

Результирующее состояние, т. е. состояние, возникшее в результате предшествующего события, по данным [Himmelmann, Schultze-Berndt (eds.) 2005], преимущественно выражается причастиями прошедшего времени или результитивными причастиями. В татышлинском такое значение передает причастие на *-m*, оно используется в конструкции с *lusa* с семантикой притворства (46)–(47).

¹⁰ Помимо конструкции с *lusa*, в татышлинском говоре выделяются еще два основных способа выражения депиктивов: форма, маркированная инструменталисом, и конструкция с послелогом *dârja*, см. [Кожевникова 2024].

- (i) *spasatel'-l'os so-je ulep-en / ulep dârja-z šöd't-i-zâ.*
 спасатель-PL тот-ACC живой-INS живой во_время-POSS.3SG находить-PSF-3PL
 'Спасатели нашли его живым'.

- (46) *rustam urom-n'os-se kü'ž'-em lü-sa pumita-Ø-z.*
 Рустам друг-PL-ACC.POSS.3SG пьянеть-PTCP.PST становиться-СВВ встретить-PST-3SG
 *‘Рустам пьяным встретил друзей’.
 ‘Рустам, прикинувшись пьяным, встретил друзей’.
- (47) *rustam d'iskot'eka-is' žad'-em lü-sa košk-i-z.*
 Рустам дискотека-EL устать-PTCP.PST становиться-СВВ уйти-PST-3SG
 ?‘Рустам уставшим ушел с дискотеки’.
 ‘Рустам, притворившись уставшим, ушел с дискотеки’.

Семантика притворства также возникает при выражении значения жизненной стадии:

- (48) *rustam ol'a-jez pinal lü-sa pumita-Ø-z.*
 Рустам Оля-ACC молодой становиться-СВВ встретить-PST-3SG
 *‘Рустам встретил Олю молодым’.
 ‘Рустам притворился молодым и встретил Олю’.
- (49) *so ol'a-jez škol'n'ik lü-sa pumita-Ø-z.*
 тот Оля-ACC школьник становиться-СВВ встретить-PST-3SG
 *‘Рустам встретил Олю школьником’.
 ‘Рустам притворился школьником и встретил Олю’.

Для выражения значения функции (50) в депиктивной интерпретации допустимо употребление только конструкции с деепричастием *lüsa*. При этом не возникает семантики притворства, как в предыдущих значениях. Данный тип контекстов является основным для деепричастной конструкции в корпусе татышлинского говора, ср. (51)–(52).

- (50) *mānam anaj škol-ān dāšet-is' lü-sa uža-Ø.*
 я.GEN мать школа-LOC учить-PTCP.ACT становиться-СВВ работать-PRS.3SG
 ‘Моя мама работала в школе учительницей’.
- (51) *kāz' odig ar san'itarka lü-sa uža-j-Ø zd'es'.*
 двадцать один год санитарка становиться-СВВ работать-PST-1SG здесь
 ‘Двадцать один год санитаркой здесь проработала’. [Корпус: NSSh-03082021-TD_o_sebe3]
- (52) *šof'or lü-sa ve'l-em.*
 шофер становиться-СВВ ходить-PST2
 ‘(На войне) шофером служил’. [Корпус: ATN-29072021_VI_13_babushka]

Итак, семантика притворства у деепричастной конструкции возникает в контекстах, выражающих значения жизненной стадии, результирующего состояния, а также эмоционального состояния.

В [de Groot 2017: 517] существование депиктивной конструкции с бытийным глаголом в удмуртском языке объясняется предположительным влиянием русского языка (однако неясно, какая русская конструкция, по мысли автора, могла бы быть источником заимствования). Развитие же семантики притворства у депиктивов в типологических работах не фиксируется [Himmelmann, Schultze-Berndt 2004; Himmelmann, Schultze-Berndt (eds.) 2005]. В татарском языке аналогичное семантическое распределение имеет деепричастная форма бытийного глагола *бул-ын* (быть-СВВ) [Татарско-русский словарь 2007: 266]. Конструкция с этой единицей употребляется при обозначении должности, внешнего вида и подражания кому-либо [Там же: 267], ср. *укутычуп булып эшләү* ‘работать учителем’, *артист булып кылану* ‘изображать артиста’. Данные значения могли быть заимствованы татышлинским говором, поскольку татарский оказывает влияние на лексику и грамматику закамских говоров [Насибуллин 1972: 3], в число которых входит и татышлинский. Однако эта гипотеза нуждается в дополнительной проверке. Таким образом, возникновение

у конструкции с деепричастием бытийного глагола в татышлинском говоре удмуртского языка подобной дистрибуции можно объяснить языковыми контактами, но не с русским языком, как это предложено в [de Groot 2017], а с татарским. Дальнейшее обсуждение этой гипотезы, однако, выходит за рамки настоящей статьи.

Охарактеризуем конструкцию с деепричастием бытийного глагола с опорой на параметры Г. Жака (см. раздел 2.1), а также рассмотрим порядок главной и зависимой клауз, следуя работе [Майсак 2021], посвященной полипредикативным конструкциям.

Конструкция не имеет ограничения на переходность и свободно употребляется как с переходными (43), так и переходными глаголами (53).

- (53) *ruslan kn'iga lă'ž'-em lü-sa d'ivan-ân puk-i-z.*
 Руслан книга читать-PTCP.PST становится-CVВ диван-LOC сидеть-PST-3SG
 'Руслан сидел на диване и делал вид, что читает книгу'.

При этом конструкция имеет ограничение на употребление с неодоушевленным субъектом (54). Атенуативная семантика в данном контексте не возникает, в отличие от ранее рассмотренной стратегии с суффиксом *-mn'äs'k*.

- (54) **stakan-en ž'öl pös' lü-sa žök-än käl'l'-e.*
 стакан-INS молоко горячий становится-CVВ стол-LOC лежать-PRS.3SG
 Ожидаемое значение: 'Стакан молока немного горячий стоит на столе'.

Для определения тенденции к расположению клаузы с деепричастием обратимся к корпусным данным. Из 30 найденных примеров в корпусе татышлинского говора в 26 случаях конструкция с деепричастием располагается непосредственно перед главным сказуемым (как в примерах выше). Есть отклонения, но их существенно меньше (4 примера из 30), что в целом соответствует основной тенденции зависимых клауз к препозиции в полипредикативных конструкциях в татышлинском говоре (о некоторых отклонениях см. раздел 3.4).

3.4. Конструкции с глаголом *karis'kânâ*

Так как конструкция с глаголом *kar-is'kân-â* (делать-DETR-INF) 'делаться' является полипредикативной, мы рассмотрим для нее не только релевантные параметры из [Jacques 2023], но и параметры из исследования [Майсак 2021] — в частности, порядок клауз и способ выражения зависимого. Кроме этого, мы обсудим приемлемость данной конструкции с некорреферентными субъектами.

Наиболее приемлемой для всех опрошенных носителей стратегией выражения зависимого предиката является причастие на *-m*, при этом сравнительный маркер *kad'* может опускаться (55a). В (55b), где представлена стратегия с финитным глаголом во вложенной клаузе, предполагающая индексикальный сдвиг¹¹, этот маркер обязателен¹².

- (55) а. *pet'a uža-m (kad') kar-is'k-e.*
 Петя работать-PTCP.PST как делать-DETR-PRS.3SG
 'Петя делает вид, что работает'.
- б. *pet'a uža-s'ko-Ø *(kad') kar-is'k-e.*
 Петя работать-PRS-1SG как делать-DETR-PRS.3SG
 'Петя делает вид, как будто он работает'.

¹¹ Подробнее о конструкциях с индексикальным сдвигом в татышлинском удмуртском см. [Хомченкова 2024]. Мы оставляем подробный анализ свойств стратегии с индексикальным сдвигом в конструкциях с симулятивной семантикой для будущих исследований.

¹² Носители, которые допускают стратегию с полным согласованием зависимого предиката (см. подраздел 3.1), также отмечают обязательность выражения *kad'* в (55b).

В конструкции с кореферентными субъектами нет ограничения на переходность предиката, ср. (55) с непереходным предикатом и (57) с переходным предикатом.

В отличие от полипредикативных конструкций с сентенциальным актантом, вводимых союзом *šüäsa*, допускающих варьирование порядка следования клауз (56) [Давидюк 2023: 29], конструкции с глаголом *karis 'kânâ* имеют строгий порядок следования главной и зависимой частей: глагол *karis 'kânâ* должен находиться на правой периферии конструкции (57).

(56) a. *vas 'a [pet 'a košk-i-z šüäsa] tod-e.*
 Вася Петя уйти-PTCP-3SG что знать-PRS.3SG

b. *vas 'a tod-e [pet 'a košk-i-z šüäsa].*
 Вася знать-PRS.3SG Петя уйти-PTCP-3SG что
 ‘Вася знает, что Петя ушел’. [Давидюк 2023: 29]

(57) a. *mon [kn 'iga-me lãž'-em] kad' kar-is 'k-is 'ko-Ø.*
 Петя книга-ACC.POSS.1SG читать-PTCP.PST как делать-DETR-PRS-1SG
 ‘Я делаю вид, что читаю свою книгу’.

b. **[mon kar-is 'k-is 'ko-Ø] [kn 'iga-me lãž'-em] kad'.*
 я делать-DETR-PRS-1SG книга-ACC.POSS.1SG читать-PTCP.PST как

Сильное идиолектное варьирование зафиксировано нами относительно некорреферентности субъектов главной и зависимой клауз. В [ГСУЯ 1970: 132] приведены примеры только с кореферентными субъектами, однако некоторые из опрошенных нами носителей татышинского говора допускают как конструкцию с кореферентными субъектами (см. (55) и (57) выше), так и конструкцию с некорреферентными субъектами (58). Отметим, что стратегия с финитным глаголом в (58) в целом более приемлема, чем стратегия с причастием на *-m*.

(58) *ʔmon ton dūräs vera-Ø-d / vera-m kad' kar-is 'k-is 'ko-Ø.*
 я ты верный сказать-PTCP.PST сказать-PTCP.PST как делать-DETR-PRS-1SG
 ‘Я делаю вид, что ты ответил правильно’.

Что касается отрицания, то носители однозначно допускают конструкции с узкой сферой действия (‘делаю вид, что не X’) (59). Для конструкции с отрицанием глагола *karis 'kânâ* интерпретация с широкой сферой действия отрицания (‘не делаю вид, что X’) оказалась грамматичной не во всех идиолектах, в отличие от интерпретации с узкой сферой действия (60).

(59) *mon ug bõrd-is 'kâ / bõrdâ-m-te kad' kar-is 'k-is 'ko-Ø.*
 я NEG.PRS/FUT.1SG плакать-PRS плакать-PTCP.PST-NEG как делать-DETR-PRS-1SG
 ‘Я делаю вид, что не плачу’.

(60) *mon bõrd-em kad' ug kar-is 'kâ-s 'kâ.*
 я плакать-PTCP.PST как NEG.PRS/FUT.1SG делать-DETR-PRS
 ‘Я стараюсь показать, что я не плачу’.
 ʔ‘Я не делаю вид, что плачу, на самом деле плачу’.

Аналогично глагольным формам с суффиксом *-mn 'äs 'k* (см. раздел 3.2), в части идиолектов мы зафиксировали развитие значения притворства в аттенуативном у конструкций с неодушевленным «метеорологическим» субъектом (61).

(61) *ʔkuz' zor-em kad' kar-is 'k-i-z.*
 погода дождить-PTCP.PST как делать-DETR-PST-3SG
 ‘Прошел небольшой дождь’.

С другой стороны, конструкции с предикатом, субъект которых не полностью контролирует ситуацию (62), были по большей части разрешены носителями, в отличие от запрета с такими глаголами суффикса *-mn 'äs 'k* (см. раздел 3.2).

- (62) *ʔkol'a vos'm-em kad' kar-is'k-i-z.*
 Коля худеть-PTCP-PST как делать-DETR-PST-3SG
 'Коля сделал вид, что похудел'.

4. Обсуждение

При изучении трех близких по значению конструкций в ходе полевой работы в нескольких населенных пунктах мы столкнулись со значительным идиолектным варьированием. Дополнительным препятствием стала вынужденная несбалансированность выборки: поскольку исследовательская группа базировалась в с. Нижнебалтачево, более крупном по сравнению с другими близлежащими населенными пунктами, в выборке возник количественный «перевес» в пользу носителей языка именно из этого села. Из-за того, что число опрошенных в с. Нижнебалтачево сильно превосходит другие деревни и села (8 человек из Нижнебалтачево против 8 человек из остальных сел и деревень в совокупности), вывести строгое распределение более и менее предпочтительных для каждого локуса способов выражения симулятивной семантики не представляется возможным. Поэтому в текущем разделе мы остановимся только на основных тенденциях в использовании трех исследованных нами стратегий и их общей грамматической приемлемости (без учета географического распределения).

Базовым способом выражения симулятивного значения является конструкция с глаголом *karis'kânâ*, факультативным сравнительным маркером *kad'* и зависимой клаузой, выраженной формой на *-m* — эта конструкция допустима во всех идиолектах. Именно стратегия с глаголом *кариськыны* используется в переводе библейского контекста с симулятивной семантикой, рассмотренного в исследовании [Майсак 2021] — с тем лишь отличием, что в зависимой части находится именная группа: букв. «человек, старающийся идти вперед».

- (63) *Азь-лане мыны-ны туртт-йсь мурт кадъ Иисус кар-иськ-и-з.*
 перед-APPROX идти-INF стараться-PTCP-ACT человек как Иисус делать-DETR-PST-3SG
 '...и Он показывал им вид, что хочет идти далее'. [УНЗ, Лк. 24:28]
 Букв. «Иисус сделался как человек, старающийся идти вперед».

Конструкции с суффиксом *-mn'äs'k* и глаголом *lüñäñ* обладают примерно равной степенью приемлемости и одобряются в 75 % идиолектов (12 человек из 16). Мы не обнаружили корреляций между (не)приемлемостью той или иной стратегии и социолингвистическими факторами (место рождения / проживания, возраст, уровень образования, знание литературного удмуртского или татарского языков). Можно было бы предположить, что неприемлемость формы на *-mn'äs'k* в части идиолектов связана с ее прозрачной этимологией и присутствием в составе формы показателя адвербиалиса *-ja* [ГСУЯ 1962: 234], который для периферийно-южных удмуртских говоров, по данным [Насибуллин 1972; Кельмаков 1998; Baidoullina 2003], скорее не характерен. Как мы упоминали в разделе 2.2, в литературном удмуртском этот элемент в составе показателя *-мьяськ* восходит к «соответственному» падежу (*Кузьмичъя* 'по Кузьмичу, согласно Кузьмичу', *мынэмъя* 'по ходу'). Однако в татышлинском корпусе зафиксированы употребления форм с адвербиалисом как от носителей, использующих симулятивную форму с *-mn'äs'k*, так и от тех, кто считает данную форму неграмматичной. Вероятно, показатель адвербиалиса в симулятивном суффиксе уже не осознается носителями как отдельная морфема.

Если рассматривать индивидуальные системы носителей языка, то в татышлинском говоре обнаруживаются либо системы с исключительно аналитической стратегией выражения симулятивного значения (с глаголом *karis'kânâ*; с глаголами *karis'kânâ* и *lüñäñ*), либо смешанные системы (синтетическая с *-mn'äs'k* вместе с одной или обеими аналитическими), но не встречается систем, в которых была бы приемлема только синтетическая

стратегия. Это можно объяснить более ограниченными возможностями суффиксальной стратегии по сравнению с аналитической (см., например, контекст неполного контроля над ситуацией (62) в разделе 3.4, где допускается только аналитическая форма).

Что касается выражения зависимой клаузы в конструкции с *karis 'kânâ*, можно отметить, что стратегия с индексикальным сдвигом несколько уступает в приемлемости форме на *-m* (стратегию с индексикальным сдвигом одобрило около 80 % (11 из 14) опрошенных, тогда как форма на *-m* приемлема для всех). При этом, если носители допускают предложения с некорреферентными субъектами главной и зависимой клауз, степень приемлемости для финитного глагола по сравнению с формой на *-m* обычно выше: нефинитная форма грамматична лишь для половины опрошенных, тогда как приемлемость финитной зависимой клаузы несколько выше. Какой-либо связи между упомянутыми выше социолингвистическими переменными и предпочтением стратегии с индексикальным сдвигом или допустимостью некорреферентных субъектов нами обнаружено не было.

5. Заключение

Мы рассмотрели три основные стратегии выражения симулятивного значения (притворства) в татышлинском говоре удмуртского языка: синтетическую (с суффиксом *mn 'äs 'k*) и аналитические (с глаголами *karis 'kânâ* и *lüñnâ*). Мы показали, что, вопреки обобщению [ГСУЯ 1962] о том, что южным говорам характерна именно синтетическая стратегия выражения притворства, татышлинский говор демонстрирует смешанную модель с совмещением стратегий. Базовым способом выражения притворства в этой модели является аналитическая конструкция с глаголом *karis 'kânâ*, факультативным сравнительным маркером *kad'* и зависимой клаузой, выраженной формой на *-m*, а аналитическая стратегия с *lüñnâ* и синтетическая с суффиксом *-mn 'äs 'k* обладают несколько меньшей степенью приемлемости (признаются неграмматичными 20 % опрошенных носителей).

Варьирование определяется скорее структурными характеристиками конструкций, нежели социолингвистическими факторами. С точки зрения типологических параметров, предложенных в [Jacques 2023], конструкции с *-mn 'äs 'k* и *karis 'kânâ* практически идентичны (см. таблицу, с. 141), однако аналитическая стратегия имеет меньше ограничений на дистрибуцию (например, допустима с неполностью контролируемыми предикатами, имеющими одушевленный субъект, с которыми *-mn 'äs 'k* не сочетается) и в ряде идиолектов также допускает некорреферентность субъектов. За рамками параметров Г. Жака мы установили, что в отрицательных контекстах синтетическая стратегия безусловно грамматична при широкой сфере действия отрицания, тогда как аналитическая конструкция с *karis 'kânâ* тяготеет к интерпретациям с узкой сферой действия.

Отдельно нами была выделена конструкция с деепричастием бытийного глагола, являющаяся одним из основных способов выражения депиктива в татышлинском говоре. Семантика притворства возникает в некоторых контекстах, выражающих ориентированные на субъекта значения (эмоциональное состояние, жизненная стадия, результирующее состояние). Подобное развитие значения данной конструкции предположительно связано с контактным влиянием татарского языка. По параметрам Г. Жака деепричастная конструкция, аналогично конструкции с *-mn 'äs 'k* и *karis 'kânâ*, не имеет ограничения на (не)переходность, однако полностью недопустима при неодушевленном субъекте и сочетается не только с глагольными, но и с именными формами.

Наше исследование позволило выявить дополнительные параметры, которые могут быть релевантны для дальнейших типологических исследований симулятивных конструкций. С точки зрения морфосинтаксиса, помимо интерпретации отрицания, стоит принимать во внимание допустимость (не)корреферентных субъектов в полипредикативной конструкции, а также возможность индексикального сдвига в зависимой клаузе, если это явление

характерно для изучаемого языка в целом. С точки зрения семантики мы зафиксировали дополнительные сдвиги значения притворства в сферу скалярности: аттенуативное значение и близкое к нему значение попытки как начала освоения навыка, которое предполагает, что действие осуществляется не в полной мере. Кроме того, мы выявили возможность симулятивной интерпретации депиктивных конструкций в ряде употреблений (эмоциональное состояние, результирующее состояние, жизненная стадия).

Таблица

Сопоставление трех стратегий по параметрам [Jacques 2023]

Параметр по Г. Жаку	Стратегия		
	<i>-m̄'äs'k</i>	<i>lüñä</i>	<i>karis'känä</i>
базовая форма, к которой присоединяется маркер притворства (глагольная vs. именная)	глагольная основа	именная форма (существительное, прилагательное); глагольная форма (причастие)	глагольная форма (причастие на <i>-m̄</i> ; в некоторых идиолектах также финитная)
(не)переходность вложенного предиката	переходный, непереходный	переходный, непереходный	переходный, непереходный
(не)одушевленность субъекта	одушевленный, [?] неодушевленный ('погода')	одушевленный, [?] неодушевленный	одушевленный, [?] неодушевленный ('погода')

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1, 2, 3 — 1-е, 2-е, 3-е лицо

ACC — аккузатив

ACT — активный залог

ADD — аддитивная частица

APPROX — аппроксимативный маркер

CVB — конверб

DAT — датив

DETR — детранзитив

EL — элатив

f — женский род

FICT — фиктивность

GEN — генитив

ICPL — инкомплетив

ILL — иллатив

IN — инессив

IND — индикатив

INS — инструменталис

LOC — локатив

m — мужской род

NEG — отрицание

O — объект

OBJ — объект

OBL — обликвус

PFV — перфектив

PL — множественное число

POSS — посессивность

PRS — настоящее время

PST — (первое) прошедшее время

PST2 — второе прошедшее время

PTCP — причастие

SG — единственное число

SIMUL — симулятив

VN — отглагольное существительное

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Гаврилов 1982 — Гаврилов И. Г. *Вордїськем пальёсын: роман-трилогия*. Ижевск: Удмуртия, 1982.Петров 1954 — Петров М. *Вуж Мултан*. Повесть. Ижевск: Удмурт. кн. изд-во, 1954.Удмурт калык сказкаос — Багай Арк., Перовщиков М. А. (сборник дасязы). *Удмурт калык сказкаос: сборник*. Ижевск: Удмуртгосиздат, 1940.УНЗ — *Библия удмурт кылын*. Институт перевода Библии, 2014. Электронный ресурс: http://finugor-bib.com/bible/udmurt/00_a_about_na.html.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Алатырев 1959 — Алатырев В. И. Глаголы притворного действия в удмуртском языке. *Вопросы удмуртского языкознания: Сб. статей*. Т. 1. Алатырев В. И. Ижевск: Удмуртское книжное изд-во, 1959, 73–139. [Alatyrev V. I. Verbs of pretending in Udmurt. *Voprosy udmurtskogo yazykoznaniiya: Coll. of papers*. Vol. 1. Alatyrev V. I. Izhevsk: Udmurt Book Publ., 1959, 73–139.]
- Аухадиева, Булычева 2022 — Аухадиева Ф. С., Булычева Е. А. Репрезентация модальности фиктивного действия в разноструктурных языках. *Ежегодник финно-угорских исследований*, 2022, 2: 238–247. [Aukhadieva F. S., Bulycheva E. A. Representation of simulative action modality in languages with different structures. *Yearbook of Finno-Ugric Studies*, 2022, 2: 238–247.]
- ГСУЯ 1962 — Перевощиков П. Н. (отв. ред.). *Грамматика современного удмуртского языка: фонетика и морфология*. Ижевск: Удмуртское книжное изд-во, 1962. [Perevoshchikov P. N. (ed.). *Grammatika sovremennogo udmurtskogo yazyka: fonetika i morfologiya* [Grammar of Modern Udmurt: Phonetics and morphology]. Izhevsk: Udmurt Book Publ., 1962.]
- ГСУЯ 1970 — Перевощиков П. Н. (отв. ред.). *Грамматика современного удмуртского языка: синтаксис простого предложения*. Ижевск: Удмуртское книжное изд-во, 1970. [Perevoshchikov P. N. (ed.). *Grammatika sovremennogo udmurtskogo yazyka: sintaksis* [Grammar of Modern Udmurt: Syntax]. Izhevsk: Udmurt Book Publ., 1970.]
- Давидюк 2023 — Давидюк Т. И. *Конструкции с сентенциальными актантами в татышлинском удмуртском*. Экспедиционный отчет. М.: МГУ имени М. В. Ломоносова, 2023. [Davidyuk T. I. *Konstruktсии s sententsial'nymi aktantami v tatyshlinskom udmurtskom* [Sentential arguments in Tatyshly Udmurt]. Field report. Moscow: Lomonosov Moscow State Univ., 2023.]
- Кельмаков 1973 — Кельмаков В. К. Об отглагольных послелогах *шұыса* и *луыса* в удмуртском языке. *Вопросы удмуртского языкознания: Сб. статей и материалов*. Вахрушев В. М. (отв. ред.). Ижевск: Удмуртское книжное изд-во, 1973, 123–151. [Kelmakov V. K. On the deverbal postpositions *shyusa* and *lyusa* in Udmurt. *Voprosy udmurtskogo yazykoznaniiya: Coll. of papers and materials*. Vakhrushev V. M. (ed.). Izhevsk: Udmurt Book Publ., 1973, 123–151.]
- Кельмаков 1998 — Кельмаков В. К. *Краткий курс удмуртской диалектологии*. Ижевск: Изд-во удмуртского ун-та, 1998. [Kelmakov V. K. *Kratkii kurs udmurtskoi dialektologii* [A short course of Udmurt dialectology]. Izhevsk: Udmurt State Press, 1998.]
- Кожевникова 2024 — Кожевникова Э. К. *Вторичная предикация в татышлинском говоре удмуртского языка*. Дипломная работа. М.: МГУ имени М. В. Ломоносова, 2024. [Kozhevnikova E. K. *Vtorichnaya predikatsiya v tatyshlinskom govore udmurtskogo yazyka* [Secondary predication in Tatyshly Udmurt]. BA thesis. Moscow: Lomonosov Moscow State Univ., 2024.]
- Майсак 2021 — Майсак Т. А. «Грамматика притворства»: к внутригенетической микротипологии одной конструкции в нахско-дагестанских языках. *Дурхъаси хазна. Сб. статей к 60-летию Р. О. Муталова*. Майсак Т. А., Сумбатова Н. Р., Тестелец Я. Г. (ред.). М.: Буки Веди, 2021, 220–257. [Maisak T. A. The “grammar of pretending”: Towards an intragenetic microtypology of one construction in the Nakh-Daghestanian languages. *Durqazi hazna. Papers on the occasion of Rasul Mutsalov's 60th anniversary*. Maisak T. A., Sumbatova N. R., Testelets Ya. G. (eds.). Moscow: Buki Bedi, 2021, 220–257.]
- Мельник 2021 — Мельник А. А. Дериваты с суффиксом *-(i)s'k* в татышлинском удмуртском: особенности семантики и аргументной структуры. *XVIII конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Тезисы докладов (Санкт-Петербург, ИЛИ РАН, 25–27 ноября 2021 г.)*. Мищенко Д. Ф., Герасимов Д. В. (ред.). СПб.: ИЛИ РАН, 2021, 126–131. [Mel'nik A. Derivatives with *-(i)s'k* in Tatyshly Udmurt: On semantics and argument structure. *18th Conference on Typology and Grammar for Young Scholars. Coll. of abstracts (St. Petersburg, Institute of Linguistics, November, 25–27, 2021)*. Mishchenko D. F., Gerasimov D. V. (eds.). St. Petersburg: Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences, 2021, 126–131.]
- Насибуллин 1972 — Насибуллин Р. Ш. *Закамские говоры удмуртского языка*. Дис. ... канд. филол. наук. М.: Институт языкознания АН СССР, 1972. [Nasibullin R. Sh. *Zakamskie govory udmurtskogo yazyka* [Zakamsky varieties of Udmurt]. Candidate diss. Moscow: Institute of Linguistics of the Academy of Sciences of the USSR, 1972.]
- Татарско-русский словарь 2007 — Асылгараев Ш. Н., Ганиев Ф. А., Закиев М. З., Миннуллин К. М., Рамазанова Д. Б. (ред.). *Татарско-русский словарь*. В 2-х т. Т. 1 (А–Л). Казань: Магариф, 2007. [Asylgaraev Sh. N., Ganiev F. A., Zakiev M. Z., Minnullin K. M., Ramazanova D. B. (eds.). *Tatarско-russkii slovar'* [Tatar-Russian dictionary]. In 2 vols. Vol. 1 (A–L). Kazan: Magarif, 2007.]

- Хомченкова 2024 — Хомченкова И. А. *Индексикальный сдвиг в татышлинском удмуртском. Экспедиционный отчет*. М.: МГУ имени М. В. Ломоносова, 2024. [Khomchenkova I. A. *Indeksikal'nyi sdvig v tatyshlinskom udmurtskom* [Indexical shift in Tatyshly Udmurt]. Field report. Moscow: Lomonosov Moscow State Univ., 2024.]
- Baidoullina 2003 — Baidoullina A. *Татышлинский говор удмуртского языка: фонетика и морфология* [The Tatyshly variety of Udmurt: Phonetics and morphology]. Magistritöö. Tartu: Tartu Ülikool, 2003.
- Caron 2017 — Caron B. Comparison, similarity and simulation in Zaar, a Chadic language of Nigeria. *Simulative and equative constructions. A cross-linguistic perspective*. Treis Y., Vanhove M. (eds.). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2017, 167–188.
- Chamoreau 2017 — Chamoreau C. Multifunctionality and polysemy of the simulative marker =*kán* in Pesh. *Simulative and equative constructions. A cross-linguistic perspective*. Treis Y., Vanhove M. (eds.). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2017, 321–338.
- Deal 2020 — Deal A. R. *A theory of indexical shift: Meaning, grammar, and crosslinguistic variation*. Cambridge (MA): MIT Press, 2020.
- Edygarova 2017 — Edygarova S. The Udmurt essive and its functional counterparts. *Uralic essive and the expression of impermanent state*. de Groot C. (ed.). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2017, 309–323.
- de Groot 2017 — de Groot C. The typology of the essive in the Uralic languages. *Uralic essive and the expression of impermanent state*. de Groot C. (ed.). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2017, 497–549.
- Himmelmann, Schultze-Berndt 2004 — Himmelmann N., Schultze-Berndt E. Depictive secondary predicates in cross-linguistic perspective. *Linguistic Typology*, 2004, 8: 59–131.
- Himmelmann, Schultze-Berndt (eds.) 2005 — Himmelmann N., Schultze-Berndt E. (eds.). *Secondary predication and adverbial modification: The typology of depictives*. Oxford; New York: Oxford Univ. Press, 2005.
- Jacques 2023 — Jacques G. Simulative derivations in crosslinguistic perspective and their diachronic sources. *Studies in Language*, 2023, 47(4): 957–988.
- Noonan 2007 — Noonan M. Complementation. *Language typology and syntactic description*. Vol. 2: *Complex constructions*. Shopen T. (ed.). Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2007, 52–150.
- Treis 2017 — Treis Y. Simulative morphemes as purpose clause markers in Ethiopia and beyond. *Simulative and equative constructions. A cross-linguistic perspective*. Treis Y., Vanhove M. (eds.). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2017, 91–142.
- Treis, Vanhove (eds.) 2017 — Treis Y., Vanhove M. (eds.). *Simulative and equative constructions. A cross-linguistic perspective*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2017.
- Winkler 2001 — Winkler E. *Udmurt*. München: Lincom, 2001.
- Anna Zalizniak et al. 2002-2024 — Zalizniak Anna A., Smiritskaya A., Rousseau M., Gruntov I., Maisak T., Ganenkov D., Bulakh M., Orlova M., Bobrik-Fremke M., Dereza O., Mikhailova T., Bibaeva M., Voronov M. *Database of Semantic Shifts*. Moscow: Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, 2002–2024. Electronic resource: <https://datsemshift.ru/>.

Получено / received 06.09.2024

Принято / accepted 02.10.2024